

ББК 63.3(0)44

*В.В. Серов***Расходы Юстиниана I на строительство военных объектов в восточных областях Византии**

Ключевые слова: Византия, император Юстиниан, финансы, строительные расходы, баланс.

Keywords: Justinian I, military objects, financial estimation of building activity, Byzantium, expenses on building works.

В последние десятилетия в историографии «оборонительно-строительной» тематики юстиниановской эпохи становится все более заметным отход от полного признания известного тезиса, выдвинутого еще историком Прокопием Кесарийским, о гигантских финансовых затратах императора Юстиниана на строительство. Толчком к критическому пересмотру прежней максимы явилось развитие археологических исследований на материале раскопок тех территорий, которые были в VI в. опасной приграничной зоной или объектом нередких нападений врага. Исследовательский прорыв в византийской археологии произошел в 80–90-е гг. XX в., когда резко возросло количество специальных историко-археологических публикаций. (До того ученые-теоретики жаловались на недостаток фактического материала из разных провинций Византии [1, с. 409; 2, с. 491]). Кроме того, чаще стали использоваться источники других видов, прежде всего эпиграфика и нумизматика [3; 4]. В общем, доминирующим признаком современной историографии стратегического строительства Византии VI в. на Востоке становится комплексный подход к изучению проблем, связанных с означенной темой. При этом всегда в качестве ориентира берутся данные Прокопия Кесарийского (прежде всего из его произведения «О постройках Юстиниана»), которые подвергаются верификации другими источниками и новыми методиками интерпретации давно известных данных. Благодаря неоднократным усилиям нескольких весьма авторитетных ученых различных специальностей, объединенных интересом к византистике, сейчас уже имеется возможность четко обозначить исследовательскую проблематику в сфере военно-строительной деятельности юстиниановского правительства и представить себе все практически значимые элементы стратегического строительства в VI в.: финансирование, географическое положение комплексов построек, время и сроки их возведения, дальнейшую судьбу после строительства. По-прежнему главную сложность в такого рода исследовании представляет неравномерность охвата источниковедческим материалом разных территорий византийского Востока и, как следствие, существование противоречивых экспертных оценок результатов

анализа новых и пересмотра давно известных источников. Поэтому актуальным будет вывод о широкой перспективе развития названного исследовательского направления: дальнейший поиск базовой фактической информации и постепенное продвижение к итоговой картине направления и сущности строительных усилий императоров VI в. на восточных рубежах Византийского государства.

Среди вопросов, обсуждаемых в историографии наиболее усердно, выделяются два: принадлежность построек, известных по сообщениям Прокопия, ко времени Юстиниана, а также то значение, которое имели эти сооружения в системе обороны византийского Востока. Решение первого вопроса не продвинулось, на наш взгляд, за столетие, минувшее после обоснования критического метода изучения трудов Прокопия [5, II, с. 24]. Как известно, подавляющее большинство исследователей периода правления Юстиниана предпочитает доверять его сообщениям, но с различной степенью осторожности. Критика Прокопия также неоднозначна. Все это не случайно, ибо Прокопий как автор многогранен и ожидает несравненно большего внимания к себе и своим работам. Поэтому окончательный вывод об информативных возможностях этого литературного источника в ближайшем будущем невозможен: нерассмотренным остается еще великое множество сюжетов из трудов ранневизантийского историка. Впрочем, применительно к теме финансирования военного строительства проблема доверия к изложенным Прокопием сведениям не имеет первостепенного значения, поскольку главным для нее является вопрос о том, кто и в какой пропорции участвовал в оплате строительных работ, в каком бы месте и в какое бы время они ни проводились. То же можно сказать и по второму из указанных значимых вопросов историографии – вопросу об эффективности юстиниановского строительства крепостей и городских укреплений: мощь всей имперской обороны не зависела напрямую от количества вложенных в строительство ресурсов и денежных средств. Таким образом, представляется очевидным, что для достижения заметных исследовательских результатов по теме юстиниановского строительства необходимо не столько продолжать движение в прежнем историографическом русле, сколько сосредоточиться на самих традиционных проблемах – уточнить их содержание и рассмотреть с новых позиций. Кажется важным выяснение не только целей, но и возможностей имперского

правительства VI в., осуществлявшего строительные планы в пограничных провинциях.

Литературные источники – Прокопий, Агафий, Малала и Псевдо-Захария – при всей их несомненной важности для целей нашей работы скорее запутывают, нежели помогают разобраться. Действительно, у Прокопия Кесарийского, к примеру, звучит рефреном фраза «василевс построил...» (*De aed., passim*), что создает устойчивое представление, будто все строительство в империи велось на средства одного только императора; описание строительных работ, например в Пальмире или Даре (Malala, 426; Zach. Rhetor., H.E. VII.6.), выглядит в контексте прочих сообщений этих источников как сумасшедшее расточительство казенных или императорских средств. К счастью, недавно введенные в научный оборот источники корректируют созданные ранневизантийской литературой иллюзорные представления об адресантах и объемах финансирования военно-стратегического и оборонительного строительства. Теперь известно, что в 30-е гг. VI в. константинопольское правительство непосредственно участвовало в возведении лишь единичных объектов на так называемом лимесе Юстиниана [2, с. 491–492]. Обычно этими объектами являлись ставки дуков и укрепления крупных городов-метрополий. Укрепления массы небольших населенных пунктов, сторожевых постов и тому подобных оборонительных сооружений осуществлялось частными лицами из числа местных жителей на собственные средства, а также религиозными учреждениями и силами солдат гарнизонов из имеющихся в наличии ресурсов. Такая практика, по данным эпиграфики, имела место в приграничных областях провинций Осроэна, Сирии и Финикии Ливанской [2, с. 492–494; 3, с. 158, 164–167, 170–174].

Поводом к строительству или ремонту оборонительных сооружений обычно выступала обострившаяся угроза вражеских вторжений на определенном участке «лимеса», а причиной – отступление ранневизантийского правительства от прежнего метода обороны, основанного на преимущественном использовании крупной походной армии. Четкой и последовательной военно-строительной программы в VI в., по-видимому, не было. В Месопотамии оборонительные пункты возводились разными субъектами и с разной интенсивностью в правление Анастасия I и на протяжении 20–50-х гг., после чего иницируемая Константинополем стройка почти полностью замерла, несмотря на сохранявшуюся угрозу персидского нападения. В Палестине и Аравии, где во второй четверти VI столетия были частыми нападения враждебных сарацинских племен, строительство крепостей, как показали раскопки, прекратилось в те же годы, а имевшиеся укрепления были почти полностью заброшены в течение следующего полувека [6, с. 152; 7, с. 149; 4, с. 77–78]. Армянский участок византийской гра-

ницы изучен менее, однако и здесь восстановленная трудом ученых картина строительной деятельности весьма сходна с ближневосточными аналогами: в горной Армении и в Лазике возводилось мало крупных и мощных стратегических объектов вроде крепости Петра; большинство укреплений представляло собой «временные фортификационные сооружения в виде частоколов, засек, завалов, валов, рвов» [8, с. 170], которые возводились руками солдат и местных жителей.

Раскопки здесь показали, что некоторые крепости тоже были оставлены гарнизонами и даже перед тем разрушены [9, с. 6]. В целом данные археологических исследований в нескольких регионах Закавказья и Ближнего Востока дополнили и скорректировали прежние представления о юстиниановском строительстве в них, основывавшиеся на литературных источниках. Выяснилось, что при создании новых и обновлении старых укрепленных пунктов на восточной границе прямые государственные расходы не были столь значительны, как это пытался показать Прокопий Кесарийский. Правда, до сих пор не предпринималось попыток оценить хотя бы приблизительно объем затрат в этой сфере государственной деятельности.

Наибольший интерес, конечно, представляет строительство в крупных или более важных в стратегическом плане населенных пунктах на границе и в приграничном, то есть доступном для передвижений войск, секторе византийской территории. Такими пунктами в VI в. оставались: Дара (Procop., *De aed.* II.1.11–3.26), Константина (*ibid.*, 5.5–11), Киркесий (*ibid.*, 6.7–10), Эдесса (*ibid.*, 7.6–12), Зенобия (*ibid.*, 8.11–25), Сергиополь (*ibid.*, 9.6–7), Антиохия (*ibid.*, 10.4–25), Кирра (*ibid.*, 11.4–7) и Феодосиополь в Армении (*ibid.*, III.4.12; 5.9–12). В них, кроме стен и башен, устраивались стационарные источники водоснабжения, сооружались или восстанавливались храмы и общественные здания, а нередко – казармы и продовольственные склады. Описанный в литературных источниках объем строительства в этих городах и крепостях кажется весьма значительным, однако главный из источников – Прокопий Кесарийский – сам подает повод усомниться в его собственных сообщениях о размере строительных затрат. Например, описывая строительство в Даре, византийский историк отмечает, что новая городская стена возводилась поверх прежней, отстроенной еще в правление императора Анастасия (Procop., *De aed.* II.1.15). Археологические изыскания в названных городах также показывают, что многое из описанного Прокопием не соответствует действительному положению дел по части масштабов строительных работ, а то, что было действительно сделано, растягивалось по срокам на десятилетия – с 30-х по 50-е гг., создавая у современников впечатление гигантской строи-

тельной деятельности [10, с. 144, 159; 11, с. 730; 12, с. 771–772; 13, с. 66; 14, с. 258–259]. Таким образом, затраты по укреплению и улучшению внешнего вида ряда важнейших для империи восточных городов (их насчитывается не более 15) были не столь значительными, как это представляется при некритичном прочтении текстов Прокопия Кесарийского и других ранневизантийских авторов.

Перечисленные в источниках укрепления и крепости, восстановленные или вновь отстроенные в правление императора Юстиниана, в общем немало численны. Однако эффект, создаваемый простым их перечислением и описанием, пропадает не только после перекрестного использования данных различных источников, но и после ближайшего знакомства с технологией строительных работ и методикой применения средств производства в строительстве того времени. Усиление обороноспособности уже имевшихся укреплений очень часто достигалось посредством замены менее прочного материала стен на более прочный [15, с. 64], т.е. по сути возведение оборонных объектов представляло собой увеличение массы обработанного камня – известняка или, реже, туфа. Каменное сырье добывалось на месте или недалеко от места работ, так как регионы наиболее интенсивного строительства – Евфратисия, Армения, Северная Месопотамия и Северная Сирия – обладали нужным камнем в избытке [16, с. 71]. Кроме того, нормой в ранневизантийскую эпоху было использование строительного материала прежних построек, разрушенных временем или ставших бесполезными по другим причинам (Procop., *De aed.*, II.10.4; IV.10.11–12; C.Th. 15.1.36; C.J. 8.11.16). Тот же Прокопий дает образчик типичного крепостного строительства на границе: «Римляне, видя, что стены города ветхи и легко могут быть взяты, постепенно разрушали их по частям, взводя новую постройку» (Procop., *V.P.* II.21.30). При подобной технологии основной рабочей силой становились землекопы, каменотесы и каменщики; труд типичного строителя крепостных стен не предполагал высокой квалификации, поэтому для работ на пограничных укреплениях привлекались как жители окрестных селений (Procop., *De aed.* II.10.20,22; III.4.8; J. Styl., 89), так и рядовые воины, возводившие в безлюдной местности защиту в первую очередь для себя (Procop., *De aed.* IV.2.13; ср.: C.Th. 15.1.13). Часть строительных работников, особенно тех, чей труд предполагал некоторую специализацию (например, плотники и каменотесы, а равно и собственно строители, умевшие вывести ровную кирпичную кладку), могли быть наняты и за деньги [17, с. 858–863; 3, с. 171]. Однако логично предположить, что не менее сильным стимулом для строительной активности местных жителей являлся страх перед ожидаемым варварским набегом; также возможной была замена строительными работами

иных публичных повинностей (например, повинность постоя тех воинов, для которых создавалось укрепление: J. Styl., 90). В отдельных случаях, когда для отделки требовался мрамор или ценные породы дерева, применялись привозное сырье и наемный труд высокопрофессиональных инженеров, резчиков и кузнецов по цветному металлу; расходы того, кто оплачивал все строительство, соответственно заметно увеличивались. Но такие примеры были крайне редки, так что даже словоохотливый Прокопий приводит их не более пяти для Востока. (Образцом приложения необычайных по размеру усилий в строительстве за пределами Константинополя может служить высокогорный храм, описанный в *De aed.*, V.6.6–15; также восстановление портиков, улиц и бань в Антиохии и некоторых других городах. Здесь важны следующие оговорки: данное строительство нельзя приравнять к военному; кроме того, отсутствие подробностей в описании у Прокопия позволяет заподозрить отсутствие и какого-либо роскошества при осуществлении всех этих «благоустроительных» работ). Таким образом, строительство в восточных провинциях было исключительно функциональным и потому предполагало отказ от не обоснованных рационально финансовых затрат в виде украшения военных построек и строительства непригодных для целей обороны общественных зданий в большинстве населенных пунктов приграничья. Император отказывался от нормального для поздней античности эвергетизма в отношении большинства городов и тем самым изменял старой античной модели поведения верховной власти в вопросах провинциального строительства. Тому же (сокращению расходов) способствовала и реальная потребность в первую очередь защитить провинциалов и их собственность, нежели воспроизвести для них античный стандарт полисного благоустройства, изрядно подзабытый горожанами VI в. Со своей стороны, куриалы, на плечах которых прежде лежала забота об общественных постройках, в течение V – начале VI в. в значительной мере освободились от нее под воздействием куриальной политики ранневизантийского правительства [18], отнявшей у общин полисные фонды, а у куриалов – большую часть патримониальных средств.

В результате социально-политических и идеологических изменений, произошедших в ранневизантийском городе к началу правления Юстиниана, осуществление каких-либо строительных работ на местах оказалось в руках тех, кто обладал для этого личными финансами, ресурсами и потребностью что-то строить как средством самовыражения и социальной идентификации, – у церкви, династов и представителей местной имперской администрации [5, III, с. 525–527; 19, с. 26]. Пример селения Адроны и ему подобных крупных и малых поселков показывает, что государство совершенно не тратилось на их оборону

[3, с. 170–171], в лучшем случае размещая вблизи поселения или внутри него воинский отряд. В крупных городах, административных центрах и стратегически значимых пунктах казна еще финансировала строительные работы в силу до конца неизжитой традиции или опасности лишиться важного объекта из-за нападения врага. Однако казенное финансирование редко бывало достаточным; обычно оно дополнялось привлеченными средствами частных лиц и епископов (С.Ж. 8.11.7; 8; 10; 12; 18; 1.4.26; Dig. 50.10; Procop., De aed. III.4.8, 16) [20, с. 121]. Нетрудно догадаться, что при таких условиях и при наличии известных обстоятельств все участники строительного процесса, включая казенные ведомства, стремились всячески сокращать свои издержки и труды. Следовательно, должны были снижаться расценки на поденный труд ремесленников, в отношении неквалифицированной рабочей силы применялось административное принуждение, наверняка широко практиковалась и система транспортных и строительных повинностей. Известна также замена части налогового бремени строительными работами. Неудивительно поэтому, что нечасто производившиеся государственные и императорские расходы обычно не бывали значительными. Лишь очень весомые причины могли заставить императора отпустить на стройку более крупные средства в звонкой монете. Так было, например, во время поспешного строительства в Даре при Анастасии I (Zach. Rhetor, H.E. VII.6). Прочих упоминаний такого рода финансовой щедрости в источниках очень немного. Так, у Прокопия в «Постройках» есть лишь два фрагмента, где говорится о «деньгах» (или «средствах»? – χρῆματα), выдававшихся императором для производства строительных работ (Procop., De aed. III.4.8; V.5.3). Характер этих сообщений не позволяет, однако, выразить уверенность в том, что то были именно дополнительные денежные средства, поскольку «неисчислимыми» (как написано в источнике) могли быть у государства только те финансы, которые нельзя было сосчитать по объективным причинам, – например, лес на государственной земле, камень в публичных каменоломнях, освобождение от повинностей и т.п., тем более что всё это тоже обозначалось словом χρῆματα. Поэтому остается только догадываться, когда и сколько посылал император золота и серебра для строительства в восточных городах. Сведения

о том же имеются у Иоанна Малалы (Malala, 425: «назначил комитом Востока... Патрикия, которому дал много денег (χρῆματα πολλὰ), приказав отстроить... Пальмиру, ее церкви и общественные здания»). Также и Кирилл Скифопольский сообщил о 1000 солидах, отпущенных Юстинианом из «палестинских налогов» на защиту монастыря Иудейской пустыни [21, с. 423]. Наконец, Феофан Византиец передал чье-то сведение об огромных деньгах, истраченных на восстановление разрушенной землетрясением 525 г. Антиохии (Theoph., AM 6021). Таким образом, очевидно, что данные такого рода немногочисленны и, что гораздо важнее, неконкретны, ибо преследовали иную цель, чем простая констатация факта. Следовательно, имеются все основания считать, что ревнивые в передаче подобных деталей авторы не пропустили ни одного случая отпуска из казны значительных денежных сумм на какое-либо строительство на Востоке. Тем самым можно расценивать сумму упомянутых в источниках императорских средств как основную долю дополнительных расходов, производившихся в период правления Юстиниана на военно-стратегическое и оборонное строительство.

За образец при подсчете этих расходов, за неимением других данных, целесообразно принять город Дару, возведенный и укрепленный в 502–505 гг. преимущественно за счет императорских средств. Хотя Прокопий Кесарийский и назвал это строительство поспешным и потому дорогим (Procop., De aed. II.1.8–9), однако укрепление Дары как важнейшего военно-административного и стратегического пункта на границе с Ираном действительно требовало (и получило) немалые средства, и в таком отношении к ней имперского правительства крепость Дара сравнима с прочими важнейшими укреплениями и городами империи, так что умножение рассчитанной для нее величины строительных расходов на количество подобных ей по значению пунктов Востока вполне способно дать представление об уровне дополнительных строительных расходов в 20–50-е гг. VI в. Полученная в результате вычислений сумма приближается к 35 кентинариям золота¹. Для такого государства, как Византия, с ее годовым бюджетом, оценивавшимся в несколько десятков тысяч фунтов золота, подобные расходы, к тому же произведенные в течение тридцати лет, невозможно признать крупными.

¹ Расчёт затрат на Дару в 500-е гг. см. в [22, с. 94, 107]; полученная сумма – 230 условных фунтов золота. Количество столь же «значимых» городов на Востоке, упоминаемых всеми источниками, составляет приблизительно пятнадцать; 230 фунтов золота x 15 городов = 3450 фунтов золота, или около 35 кентинариев.

Библиографический список

1. Pülhorn, W. Archäologischer Kommentar zu den «Bauten» des Prokop / W. Pülhorn // Prokop. Bauten / Ed. O. Veh. – München, 1977.
2. Libeschuetz, J.H.G.W. The Defenses of Syria in the Sixth Century / J.H.G.W. Libeschuetz // Studien zu den Militärgrenzen Roms. II: Vorträge des 10. internationalen Limeskongresses in der Germania Inferior. – Köln, 1977.
3. Trombley, F.R. War and Society in Rural Syria c. 502–613 A.D.: Observations on the Epigraphy / F.R. Trombley // Byzantine and Modern Greek Studies. – 1997. – Vol. 21.
4. Грушевой, А.Г. Нессанские папирусы. Основные проблемы социально-экономической и политической истории Южной Палестины IV–VII веков / А.Г. Грушевой // Палестинский сборник. – 1998. – Вып. 96 (33).
5. Панченко, Б. О тайной истории Прокопия / Б. Панченко // Византийский временник. – 1895–1897. – Т. II–IV.
6. Parker, S.T. Romans and Saracens: A History of the Arabian Frontier / S.T. Parker. – Los Angeles, 1986.
7. Isaac, B. The Army in the Late Roman East: the Persian Wars and the Defence of the Byzantine Provinces / B. Isaac // The Byzantine and Early Islamic Near East. III: States, Resources and Armies / Ed. by Av. Cameron. – Princeton, 1995.
8. Леквинадзе, В.А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии / В.А. Леквинадзе // Византийский временник. – 1973. – Т. 34.
9. Цухишвили, И.А. К взаимоотношению Западной Грузии с Восточно-Римской империей в IV–VI вв. (по нумизматическим данным) / И.А. Цухишвили. – Тбилиси, 1991.
10. Croke, B. Procopius and Dara / B. Croke, J. Crow // Journal of the Roman Studies. – 1983. – Vol. 73.
11. Whitby, M. Procopius' Description of Dara (Buildings. II.1–3) / M. Whitby // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. – Oxf., 1986.
12. Whitby, M. Procopius and the Development of Roman Defences in Upper Mesopotamia / M. Whitby // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. – Oxf., 1986. – Part II.
13. Kennedy, H. Antioch and the Villages of Northern Syria in the Fifth and Sixth Centuries A.D.: Trends and Problems / H. Kennedy, J. Liebeschuetz // Nottingham Medieval Studies. – 1988. – Vol. 33.
14. Foss, C. Syria in Transition, A.D. 550–750: An Archaeological Approach / C. Foss // Dumbarton Oaks Papers. – 1997. – №51.
15. Пигулевская, Н.В. Оборона городов Месопотамии в VI в. / Н.В. Пигулевская // Ученые записки ЛГУ. – 1941. – №86. – Серия исторических наук. – Вып. 12.
16. Tate, G. Les campagnes de la Syrie du Nord à l'époque proto-byzantine / G. Tate // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. – P., 1989. – Т. I.
17. Jones, A.H.M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey / A.H.M. Jones. – Baltimore, 1986.
18. Серов, В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект / В.В. Серов // Византийский временник. – 2001. – Т. 60.
19. Pentz, P. The Invisible Conquest. The Ontogenesis of Sixth and Seventh Century Syria / P. Pentz. – Copenhagen, 1992.
20. Пигулевская, Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. / Н.В. Пигулевская. – М. ; Л., 1964.
21. Житие Святого Саввы, составленное Св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе / изд. И. Помяловский. – СПб., 1890.
22. Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора / В.В. Серов. – Барнаул, 2000.